

Леонид Зиман

Автономасия и близкие к ней стилистические приёмы в неподцензурных песнях Юлия Кима

Автономасия – один из случаев метонимического переноса, основанного на ассоциации «между именем собственным и именем нарицательным, обладающими общей содержательно-признаковой основой»¹. Обычно этим приёмом пользуются, когда речь идёт о литературном произведении (читал Шекспира) или о фирмах и торговых предприятиях (зашёл к Елисееву, обедал в Мак-Дональдсе). Встречаются и более сложные формы автономасии, в иронических и сатирических целях используются близкие к ней стилистические приёмы. С подобными приёмами мы сталкиваемся в неподцензурных песнях Юлия Кима 60-70 гг.

Первым таким опытом стала «Весенняя песенка, или 8 марта 1963 года». Непосредственным толчком к её созданию явилась встреча с творческой интеллигенцией Н.С. Хрущёва, подвергнувшего идеологическому разносу ряд произведений тех лет, в частности очерк Виктора Некрасова «По обе стороны океана». Сегодняшние читатели и слушатели, наверное, даже не ощущают внутреннего смысла имён нарицательных, в которых зашифрованы имена собственные – фамилии писателей, названия журналов и литературных произведений, и вынуждены обращаться к комментариям. Особый юмор придают песне популярные пословицы и поговорки и газетно-речевые штампы советского времени, обрамляющие эти имена нарицательные – своеобразную форму автономасии.

В первой же строфе сообщается, что к радости «для мелкого и крупного скота» (газетный штамп) настала оттепель (имя нарицательное), «но не та». Почему не та? Да потому, что «Оттепель» (имя собственное) – это название повести Ильи Эренбурга, появившейся в предшествующее десятилетие, но на долгие годы остававшейся знаковым явлением всей социальной жизни страны. Здесь впервые в подцензурной литературе появились намёки на такие явления советской действительности, как космополитическая кампания, «дело врачей-вредителей» и др. Естественно, отношение к этой повести среди интеллигенции и в официальной критике было неоднозначным. Весенняя вода, хлынувшая с оттепелью, в песне Кима характеризуется как «мутная, распутная, беспутная». А далее – прямой намёк на разнос очерка В. Некрасова. Хрущёв вспомнил Н.А. Некрасова и сообщил, что пасквиль на советскую действительность

¹ [2, с. 260]

написал не тот Некрасов – не Николай, а Виктор. У Кима же, наоборот, цитируется стихотворение Н. Некрасова «Зелёный шум» и приводится источник цитирования: «Как сказал Некрасов – но не тот» (не Виктор, а Николай).

В песне поётся:

*Среди неба ясного грянул первый гром,
Всё кипит и пенится, как будто старый ром.*

Даже в те времена, когда была создана песня, не все могли догадаться, что речь идёт о выступлении кинорежиссёра М.И. Ромма против идеологического прессы в искусстве. И Ю. Ким часто в компаниях (на кухне!) прямо в процессе пения расшифровывал эту антономасию: «*Всё кипит и пенится, как старый Миша Ромм*».

Наверное, и нынешнему поколению известно, что основная литературная борьба шла тогда между руководимым А.Т. Твардовским журналом «Новый мир», отражавшим взгляды либеральной интеллигенции, и журналом «Октябрь», который возглавлял сверхофициозный В.А. Кочетов. «*Как раскукарекались повсюду кочета!*» Речь идёт, конечно, не только о самом Кочетове, но и обо всей его команде и всяческих подпевалах из других изданий. Вот почему

*... такого пения, какое на дворе,
Я не слышал даже в октябре!*

В журнале «Октябрь»! А в словах:

*Против формалистов, сионистов и проныр
Пусть ведёт нас новый-новый-новый мир! –*

явный намёк на призыв Хрущёва и поддакивающих ему литературоведов в штатском к изменению позиции «Нового мира» – он должен де направить критические копыя против признанных в то время главными идеологическими диверсантами в искусстве (и не только в искусстве) формалистов и сионистов.

В песне 1965 г. «Разговор скептиков и циников» (сборник 2000 г.²) название газеты «Правда» даётся в кавычках и с прописной буквы. Но мы-то помним: когда Ким пел «в кухне» (как известно, в течение долгого времени многие песни Кима были явлением лишь магнитофонного самиздата), утверждение циников, что в искусстве они равняются «только на правду», слушатели воспринимали как лицемерную уловку (зашифрованную антономасию с двойным смыслом): говорят, что *служат* жизненной правде (имя нарицательное), а на самом деле *прислуживают* газете «Правда» (имя собственное).

² [3, с. 87]

В песне 1967 г. «Люблю свою бандуру» намёк на реальных исторических лиц начинается с использования другого вида метонимии – синекдохи:

*Чуть тронешь эти гусли –
Растут со всех углов
Увесистый ли ус ли,
Развесистая ль бровь.*

Любой слушатель понимал, что «увесистый ус» – это И.В. Сталин, а «развесистая бровь» – Л.И. Брежнев. От Н.В. Гоголя идёт эта традиция, когда вместо человека-личности перед читателем предстают отдельные детали человеческого тела или туалета: усы, бакенбарды, талии, рукава, шляпки, улыбки («Невский проспект») – иногда в «конструируемых», например, в воображении героини «Женитьбы», сочетаниях: «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...» А у прокурора, который расследовал дело Чичикова, на поверку оказалось, что «всего только и было, что густые брови». В спектакле А.В. Эфроса по «Мёртвым душам» цензура изъяла эту фразу, но мимическое и пантомимическое богатство актёрской игры Л. Каневского только усилили (по крайней мере, для тех, кто читал «Мёртвые души») аллюзию гоголевского текста с обликом тогдашнего генсека Брежнева.

Между прочим, уже в перестроечное время, когда песни Кима стали выходить из-под цензурных запретов, в его песенной пьесе «Московские кухни» два персонажа-диссидента, изображая Лёню (Брежнева) и Осю (Сталина) в спектакле так называемого «Третьего направления», прикрепляли бутафорские усы – один над глазами (получались «брови»), другой – под носом (усы). При этом «Лёня» так характеризовал свои многочисленные портреты:

*... бровочки,
Что твои усы,
Но на высшем уровне
Общей красоты!*

Здесь прямая переключка с песней 1967 г., в которой после явления «увесистого уса» и «развесистой брови» звучит весёлая антономасия, основанная на обыгрывании известной поговорки о цветочках и ягодках:

*Решусь быть чистым загодя
И всё ж перехожу
От цветочка – к ягоде,
От ягоды к ежу.*

Ягода – это, конечно же, Г.Г. Ягода, а ёж – его преемник по НКВД и по организации массовых репрессий Н.И. Ежов.

Последний в этой «портретной галерее» – председатель КГБ в 60 гг. В.Е. Семичастный. Фамилия одного из самых одиозных персонажей нашей недавней истории прямо-таки наталкивает на её комическое антономасическое обыгрывание, и Ким, естественно, не преминул воспользоваться этой возможностью. Завершается песня утверждением: «... семичастным приставом запахнет на всю Русь». В другой песне, под названием «Разговор 1967 года», – песне-диалоге двух кагебешников, провоцирующих друг друга, один из них сообщает, что за опус, написанный, «конечно, Солженицыным», «можно семичастным образом накрыться так годиков на тридцать».

Естественно, в песнях Кима очень часто встречается, так сказать, традиционная антономасия, когда речь идёт об авторах литературно-художественных произведений. Но и здесь мы сталкиваемся подчас с ироничным, даже гротескным, обыгрыванием этой антономасии. Так, в песне 1986 года «Да здравствует шмон!» подобный гротеск рождается из указания места, в котором находилось и из которого извлекается «российскими жандармами» при обыске то или иное неподцензурное (для них криминальное) литературное произведение. Солженицына «*взяли за бабкиным трюмо*». Бердяева – «*из папиных итиблет*», Авторханова – «*из детского белья*».

Конечно же, комический эффект усиливается благодаря тому, что, кажется, из этих «интимных тайников» извлекают авторов, а не сами книги.

Как уже говорилось, в песнях Кима встречаются намёки не только на исторических лиц, но и на различные печатные издания. Пьяный Брежнев, например, в своём монологе (песня 1968 г.) хвастается тем, что может «*что захотешь вещать с трибуны люду*». «Трибуна люду» (имя собственное, в кавычках) – название центральной газеты Польской компартии. Но именно тогда, в марте 1968 г., в Польше, вслед за Чехословакией, усилились студенческие волнения. «*Мы хотели, чтобы Советский Союз изменил свою политику и проявил больше уважения к тем нормам и правам, которые были столь естественны на Западе*», – писала одна из участниц этих волнений.³

Не удивительно, что пьяный Брежнев в песне Кима так высказывает свои намерения:

*Вот жаль, апрель не тот:
Вот мне б с броневика-то,
Без слов за пулемёт
И – т-р-р, ложись, ребята!
Мои брови жаждут крови,
Подпевай, не прекословь...*

³ [1]

Кому же призывает подпевать наш генсек? И кому подпевать, скажем так, не советует?

*Доставай бандуру, Юра,
Конфискуй у Галича!*

По всей вероятности, сегодняшние читатели (и слушатели) поймут этот призыв, только обратившись к комментариям: «... Юра – имеется в виду Ю. Андропов, который к тому времени сменил В. Семичастного на посту председателя КГБ»⁴.

Магнитофонные записи песен Кима, как и других бардов, слушали не только в студенческой среде и в среде либеральной интеллигенции. Их слушали (со своими целями и намерениями) и официальные должностные лица. Ким посвятил им песню под названием «Начальство слушает магнитофон». Слушающее магнитофонные записи начальство предлагает такую форму борьбы с вольнолюбивыми бардами:

*Призовём из писательской шати
Самых злых медведей-шатунов.*

То, что здесь содержится намёк на официального и одиозного фельетониста И. Шатуновского, сегодняшний читатель может узнать, наверное, только из комментария⁵.

Очень часто в песнях Кима звучали (и продолжают звучать) имена исторических деятелей, деятелей литературы и искусства и его близких друзей напрямую, без всякой антономасической окраски. Между прочим, когда он пел (и разыгрывал) «в кухнях» «Шабаш стукачей», он часто добавлял куплет, который в нынешних изданиях отсутствует:

*Значит, есть секты,
Есть и банды,
И у каждой свой еврей:
У одних Мендель,
У других Мандель,
А Мандельштам – их архирей.*

Конечно, эффект достигается благодаря созвучию трёх имён. Но только ли поэтому выбраны они? Г. Мендель, выдающийся учёный-генетик, представитель той науки, которую в советское время называли прислужницей фашизма, здесь становится своеобразным символом подлинной, противостоящей официозу науки. Мандель – фамилия одного из первых диссидентствующих поэтов советского времени, писавшего

⁴ [3, с. 539]

⁵ [3, 539]

под псевдонимом Н. Коржавин. Так что он становится символом подлинной, противостоящей официозу литературы. Что же касается О.Э. Мандельштама, одного из самых наших выдающихся поэтов XX века и одной из самых бессмысленных жертв сталинских репрессий, то вряд ли его необходимо представлять сегодняшнему читателю и слушателю.

Наблюдаем мы в песнях Кима и обратный приём – когда к формально неодушевлённому предмету обращаются как к одушевлённому. При этом в роли этого одушевлённого предмета с чисто человеческим именем может оказаться целое учреждение.

В песне 1986 года «Беспризорный» – своеобразного монолога некоего уркагана звучит прямо-таки жалоба, но окрашенная иронией, на свою судьбу:

*У папы с мамой есть богатый дядя,
Они к нему уплыли в Сингапур.
А меня тоже дядя ожидает:
Мой дядя МУР, любимый дядя МУР.*

Вообще-то говоря, антропоморфизация любых предметов и явлений – одна из очень характерных черт сказки, довольно часто встречающейся у Кима жанровой структуры (Кто же не знает сказок Кима для театра и кино?). Но когда этим антропоморфизированным персонажем оказывается целое (достаточно грозное!) учреждение – Московский уголовный розыск, то такая сказка явно не сказочна. Она воспринимается в духе острогротескной, чисто кимовской антономасии.

В песенной пьесе «Московские кухни», подводившей своеобразный итог участию Кима в диссидентском движении, в первую очередь при помощи песен, вновь появились ассоциации между именами собственными, но теперь уже с такими же точно именами собственными, принадлежавшими другим лицам – жившим более 70 лет назад, в период Октябрьской революции. Горбачёвская перестройка и торжество гласности воспринимались в пьесе тоже как революция: «Земля крестьянам, власть Советам. Верхи ещё хотят, но не могут, низы могут, но ещё не хотят». Вот тут-то и появляются однофамильцы, жившие в 17 году и в 80-е гг. Где теперь Распутин? – «*В Сибири, чистит Байкал*». Понятно, что это уже не старец Григорий Распутин, а писатель Валентин Распутин, «*в те годы активно боровшийся за сохранение чистоты озера Байкал*». Зимний уже взяли? – «*Нет, но Романова скинули*». Да, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС был однофамильцем нашего императора. «*А кто же у вас выступает в*

роли Ленина?» – «Как кто? Ульянов, разумеется». Выдающийся актёр Михаил Ульянов сыграл роль Владимира Ульянова-Ленина на сцене Вахтанговского театра⁶.

Как всегда, Юлий Ким при всём своём неиссякаемом чувстве юмора, умел не только иронизировать. Он глубоко сочувствовал всем жертвам советской эпохи, по-настоящему сострадал им. И завершается эта насыщенная искромётным юмором и иронией песенная пьеса реквиемом по жертвам правозащитного движения. Они названы по именам – без всяких, естественно, метонимических ассоциаций.

Список использованной литературы

1. Богуцка, Тереза. Польша в 1968 году. [Электронный ресурс]. [URL://www.intelroc.ru/readroom](http://www.intelroc.ru/readroom)
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English↔Russian. – СПб.: «Издательство Союз», 2001.
3. Ким Ю.Ч. Сочинения: Песни. Стихи. Пьесы. Статьи и очерки / Сост. Р. Шипов. – М.: Локид, 2000. Цитаты из песен Ю. Кима и комментарии даются по этому – наиболее полно прокомментированному изданию.

⁶ [3, 552]